

А. М. БОГДАНЯК

ИЗ ПРОШЛОГО

О переселении армян из Крыма на Дон
Краткий исторический очерк

Богданян Акоп

Мкртичевич

**Из прошлого: О
переселении армян
из Крыма на Дон**

*К 210-летию образования
армянской колонии на Дону*

Посвящается незабвенной памяти
достойнейшего сына г. Нахичевана Микаела
Налбандяна — узника Петропавловской крепости,
всю жизнь боровшегося с царским деспотизмом.

Город Нахичеван, ныне Пролетарский район г.
Ростова-на-Дону, и пять окружных селений: Чалтырь,
Крым (Тюйти), Мец-Сала, Покр-Сала и Нисветаи
основаны в царствование Екатерины II армянами,
выведенными с Крымского полуострова для заселения
юга России — в то время пустынного и безлюдного.

Нахичеван в своем развитии пережил два периода,
имевших каждый свой облик: первый период — со дня
основания этого города и до 1860 г., когда он заселенный
исключительно армянами, пользовался особыми правами
и преимуществами и играл немалую роль в
экономическом развитии Дона, и второй период —
примерно, с 1860 г., когда начался очень быстрый
экономический рост соседнего города — Ростова. В этот
второй период хозяйственное значение Нахичевана
падает с каждым годом, и он становится одним из
заштатных городов России, во всем зависимым от
Ростова.

Армяне — выходцы из Крыма, немало
способствовали развитию на Дону промышленности,
торговли, ремесел, хлебопашества; многие из них с
40–50 гг. XIX столетия перенесли свою торговую и
отчасти промышленную деятельность и в другие города
Юга, как-то: Таганрог, Новочеркасск, Луганск, Бахмут,

Ейск, Мариуполь, Екатеринодар, Ставрополь, некоторые же — в Москву и Петербург.

Исследование этих вопросов представляет интерес, но они выходят за пределы настоящего краткого исторического очерка, посвященного сжато, популярному изложению фактов, связанных с переселением армян на Дон и основанием и развитием г. Нахичевана.

*** * ***

История Армении и армянского народа богата бурными, потрясающими событиями, приводившими нередко к полному разорению и опустошению страны и истреблению весьма значительной части ее населения. Вслед за византийцами, в 1065 «поду Армению наводнили турки-сельджуки, нанешие окончательный удар окровавленной стране. Богатая и цветущая столица средневековой Армении — Ани была разорена. Население этой части Армении и, в частности, жители Ани в XII и XIII столетиях стали покидать свою родину, искать приюта в чужих, дальних странах.

Южное Поволжье издавна славилось своими торговыми путями и привлекало внимание армян еще задолго до их массового переселения: они возили в Астрахань шелковые ткани и другие восточные товары, вывозили же меха, кожаные изделия и другие товары.

Ввиду этого, часть переселенцев продвинулась на север, к берегам Волги, в местности, занятые татарами, где и основалась в когда-то знаменитом Аксарее.

Здесь переселенцы-армяне сосредоточили в своих руках почти всю торговлю края, завязав торговые

сношения с Персией, Крымом и т. д.; занимались они также ремеслами и земледелием.

Несмотря, однако, на материальное свое благополучие, армяне тяготились своим бесправным положением. Все усиливающиеся поборы, чинимые татарами, и преследование христианской религии, а также все учащающиеся набеги ногайцев и казаков склонили армян к решению покинуть Аксарай.

Ведя торговлю с генуэзцами, владевшими в то время важнейшими приморскими городами Крымского полуострова, армяне были хорошо знакомы с его природными богатствами и благодатным климатом. Начатые аксарайскими армянами тайные переговоры с генуэзцами увенчались успехом: они получили согласие кафского консула на переселение их в Крым. Армяне стали готовиться к тяжелому переходу с берегов Нижней Волги в далекий Крым.

Узнав об этом замысле, татары начали чинить препятствия их уходу, считаясь с тем, что потеря трудолюбивых пришельцев нанесет стране большой материальный ущерб. Несмотря, однако, на эти препятствия и угрозы татар, аксарайские армяне в начале XIV века с оружием в руках проложили себе дорогу в Крым, куда и прибыли в 1330 г. после долгих и мучительных скитаний по диким в то время и безлюдным степям.

Генуэзцы впервые появились в Крыму в 1281 г. при крымском хане Оран Тимуре. На купленной у хана территории они устроили торговую факторию. Благодаря новому притоку итальянцев из Генуэзской республики, эта фактория вскоре быстро разрослась и в XIII–XIV вв. стала крупным торговым центром под именем Кафа

(нынешняя Феодосия). Генуэзцы окопали свою факторию широким рвом и обнесли валом. Кафа управлялась своим консулом, под властью Генуи.

С течением времени генуэзцам удалось войти в сделку с ханами, которые с 1239 г. уже занимали степной Крым, и получить их согласие на заселение, кроме Кафы, и других пунктов. Таким образом, генуэзцы сделались фактическими хозяевами почти всей приморской части полуострова с городами: Кафа, Солдая (Судак), Гезлов (Евпатория), Сурхат и другими, платя хану лишь пошлину с привозимых и вывозимых товаров.

Потомки анийских армян, радушно принятые генуэзцами, энергично взялись за устройство своей жизни, одновременно способствуя также развитию экономики Крыма. Они не только пользовались всеми правами, установленными для самих генуэзцев, но даже некоторыми привилегиями. Им предоставлена была возможность основаться в подвластных генуэзцам городах и населенных пунктах Крыма, преимущественно в Кафе и в тех районах, где издавна проживали их соотечественники.

Армяне-сельчане стали заниматься хлебопашеством, садоводством, развили и многие другие отрасли сельского хозяйства, а горожане занимались ремеслами и, главным образом, вели обширную морскую и сухопутную торговлю. В необходимых случаях армяне, рука об руку с генуэзцами, защищали страну от внешних врагов. По инициативе армян, на их средства, рядом с крепостью Кафы возведены были новые укрепления.

Так жили армяне в Крыму до 1475 года, когда турецкий султан Магамет II снарядил большой флот и повелел дотла разорить Кафу. Началась осада. Турецкая

артиллерия разбила толстые стены крепости. Генуэзцы и армяне сначала стойко защищались, но затем большинство генуэзцев спаслось бегством. Богатейший город был взят турками и предан грабежу. Часть жителей была перебита, часть же разбегалась в горы и в татарские аулы. Жестоким репрессиям подверглось почти все армянское население. В результате этого более имущая часть армян и других христиан покинула полуостров; они нашли себе убежище в Польше, Молдавии, Валахии и других странах.

Крым сделался подвластным Оттоманской империи, хотя и управлялся своим ханом, назначенным турецким султаном.

Те из крымских армян, кто уцелел, с течением времени сумели восстановить свое влияние в экономической жизни страны. Они составляли, вместе с греками, значительную часть городского населения в Крыму. «Армяне и греки представляли важную группу населения, сыгравшую историческую роль в жизни ханства; помимо всего другого, они были единственными передатчиками татарам навыков земледельческой культуры, каковое значение они сохранили до последних дней своего пребывания в Крыму, и не терпели от татар каких-либо особых притеснений»^[1]. * * *

Границы русского государства со времени Петра I быстро расширились на юг. В 1774 г., в результате войны с Турцией, русским правительством был заключен Кучук-Кайнарджийский мир, по которому татарское ханство в Крыму признано было независимым от Турции.

¹ П. Никольский — «Крым от ханства до наших дней».

Чтобы упрочить свое слияние в Крыму, русское правительство возвело на ханский престол своего ставленника Шагин-Гирея. Вместе с тем, чтобы поставить хана и его чиновников и мурз в более зависимое положение, правительство Екатерины задумало экономически ослабить ханство, выселив из Крыма греков и армян, так как уплачиваемые ими подати составляли главную статью доходов хана.

Другой, не менее важной причиной, побудившей русское правительство добиваться переселения из Крыма греков и армян, было стремление поскорее положить начало колонизации тогда еще безлюдного Новороссийского края.

9 марта 1778 года Екатерина II дала такой указ на имя князя Г. А. Потемкина.

«Данным сего числа нашему генерал-фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому рескриптом повелели мы живущих в Крыму греков, грузин и армян, кои добровольно согласятся прибегнуть под покров наш и пожелают поселиться в Новороссийской и Азовской губерниях, то не токмо всех оных нашим пребывающим в Крыму военным начальникам принимать со всею лаской и всепомоществованием к препровождению их к новороссийскому и азовскому губернаторам, — довольствуя во время пути провиантом, где есть магазины, то из оных, а где нет магазинов, то покупкой, — но и стараться всеми образами склонять и уговаривать, чтобы добровольно перейти оттуда согласились, а особливо убедить к тому тамошнего греческого митрополита. Вам же силою сего повелеваем соответственно сему намерению нашему учинить с своей стороны надлежащие распоряжения, дабы новые сии

поселяне со дня вступления в границы наши не токмо в пропитании своем не претерпели ни малого недостатка, но и по рассмотрению нашему снабжены были как достаточным числом земли, так и нужным к заведению домостроительством и пособиями из казны нашей. Впрочем, не оставим мы снабдить их нужными привилегиями, смотря по числу и состоянию оных, а до того времени состоять им в собственной опеке тамошних губернаторов, коим сбережениях их от себя перепоручить имеете»^[2].

Со своей стороны Потемкин 10 марта 1778 г. предложил азовскому и новороссийскому губернаторам привести в исполнение указ и позаботиться о том, чтобы переселенцы были снабжены всем необходимым и «сверх обыкновенного провиантом снабдить потребным числом хлеба на семена, чтобы они пропитать себя могли. Подати же и нарядов впредь до указу с них не чинить».

Одновременно Потемкиным даны были указания генерал-поручику Прозоровскому: употребить все старания и убедить хана, что он от переселения христиан никакого ущерба не понесет и «получит за то достойное всегда удовлетворение в доходах своих».

Агенты царского правительства немедленно вошли в тайные переговоры с армянским высшим духовенством и той зажиточной верхушкой городского армянского населения, многие представители которой по своим торговым делам имели деловую связь с населенными пунктами Южной России и, конечно, не прочь были переехать в новый край и здесь широко развернуть свою торговую деятельность. Что касается трудящейся массы

² Дубровин Н. — «Присоединение Крыма к России». Т. II.

армян, то она сначала отнеслась к уговорам духовенства с недоверием. Многие стали открыто протестовать против такой затеи и категорически отказались ехать на чужбину; немало было и таких, которые предпочли скрываться, чтобы не попасть в списки переселенцев.

Однако, заманчивые обещания русского правительства и страх, внушаемый армянам разговорами о том, что турецкий султан готовится вытеснить русских из Крыма, возымели, в конце концов, свое действие и, несомненно, во многом облегчили задачу массового вывода армян из Крыма.

Хотя действия агентов царского правительства проводились в тайне, тем не менее слухи о переселении христиан из Крыма получили широкую огласку и не могли, конечно, не дойти до сведения хана и его мурз.

Крымские старшины 17 июля 1778 г. подали прошение на имя хана о немедленном расследовании слухов о выводе христиан в Россию и о принятии решительных мер к предотвращению этой эмиграции, грозящей причинить большие материальные потери татарскому населению.

Хан обратился за разъяснением к генерал-поручику А. В. Суворову, который ответил ему, что императрица «по человеколюбию и долгу своему христиан скощу соизволяет переселить их (христиан — А. Б.) в свои границы, надеясь, что вы не токмо высочайшей воле покровительницы своей прекословить не будете, но и поспешитествовать не оставите, поелику все, что особы вашей касается, предохранено и награждено будет»^[3] Однако, уверение это не только не успокоило хана, но

³ Дубровин Н. Там же, Т. II.

привело его в бешенство. Царский резидент Константинов несколько раз пытался повидаться с ханом, — писал Потемкину Суворов, — изнуряемый гневливостью, выехал из Бахчисарая для воздуха».

В той же мере взволнованы были и татары, по признанию которых они теряли христиан «как душу из тела». Отношение татарских правящих кругов к христианам настолько ухудшилось, что греческий митрополит выехал из Бахчисарая в русский лагерь, а армянский архимандрит счет за благо скрыться в Кафе у своей паствы.

Суворов же, действовавши со свойственной ему решительностью, 25 июля уже писал Потемкину: «...на сих днях отправится христиан разных на полковых повозках обоего пола близко 100 душ. Слава богу, что веревка потянется... Высшее желание всех христиан есть то, чтобы поселяемы были вместе и на выгодных местах... Сожалеют они оставлять их недвижимое родное, зато принужден я был обещать им здесь на месте удовлетворение из казны, яко иначе они и согласны бы не были... Христиан надлежит удовлетворить за их тратимое, недвижимое, особливо сады^[4]. Щедрые подарки и обещания русского правительства оказали действия на хана Шагин-Гирея и татарских мурз. В процессе дальнейших переговоров хан, ранее грозивший в виде протеста на действия русского правительства «убежать на Кубань, а оттуда в Персию» (как доносил резидент Константинов графу Румянцеву), — пошел на уступки.

⁴ Н. Дубровин. Там же, т. II

Первая партия переселенцев, под командованием донских казаков, пустилась в путь 18 августа 1778 г., вторая — 22 августа, третья — 8 сентября и последняя партия — 18 сентября, когда генерал Суворов сообщил начальству; «Вывод крымских христиан кончен!».

Вслед за своей паствой 19 сентября выехали также армянский и греческий архиепископы, которым из казны отпущены были деньги на приобретение лошадей и карет. С ними же выехала незначительная часть христиан, задержавшихся в Крыму по болезни.

Общее количество армян, выведенных из Крыма, — 12 695 человек. Главный контингент переселенцев составляли жители города Кафы.

В конце августа 1778 г. крымские армяне разными партиями впервые вступили в пределы «обетованной» земли, достоверно не зная ни о месте своего поселения, ни о привилегиях, обещанных им представителями русского правительства от имени Екатерины II. Если же принять во внимание тогдашнее положение нового края — отсутствие дорог, пустынность пути, крайний недостаток в продовольствии и топливе, — то нетрудно представить себе страдания и лишения, которые пришлось преодолеть переселенцам. Решительности действий царского правительства никак не соответствовала организация самого переселения. В ней не было ни системы, ни умения. Не только не были припасены в достаточном количестве обещанные провиант и перевозочные средства, но и не были отведены участки земли.

Дойдя в таких условиях до Екатеринослава и Самары (ныне Новомосковск), переселенцы вынуждены были остановиться. И здесь, под открытым небом, им

пришлось впервые познакомиться с ужасами неведомой им дотоле зимы, которая на их несчастье была в том году особенно суровой. Голод, холод и различные заболевания унесли много жертв, преимущественно детей и стариков. Умер и предводитель переселенцев архимандрит Петрос Маркосян.

С наступлением весны 1779 г. армяне обратились к генералу А. В. Суворову с таким заявлением:

«При выводе нас из Крыма кроме известных 14 пунктов обещать нам изволили, что на место оставшихся наших домов дадут таковые же построенные; места по желанию нашему отведутся; жалованье и провиант производимы будут. Но по прибытии нашем отведены места таковые, где нет ни воды, ни леса, да и в тех принуждают всех расписываться, что они для нас удобны, что нам сделать нельзя по причине их неспособности. Провиант и жалованье сначала всем производили, а ныне некоторым совсем не выдают, людей хлебопашных отделяют от нас за 130 верст... и не только вознаграждения, но и последнего от грабежа разбойников и других притеснений лишились, и дошли до такой крайности, что и имевшие прежде хорошее пропитание собирают ныне по миру милостыню, а другие от голоду отдают вовсе за малое число денег или хлеба своих детей. От такового голоду и по употреблению в пищу вареных в воде отрубей много малолетних померло»^[5]. Но что мог сделать Суворов? — Он уже выполнил возложенную на него правительством серьезную задачу: в кратчайший срок закончил вывод около тридцати тысяч армян, греков и грузин. Судьба

⁵ Н. Дубровин. — Там же, т. II

переселенцев отныне всецело зависела от распорядительности и человечности тех губернаторов, по территории которых армяне скитались, вынужденные есть вареные отруби и даже продавать своих детей. Особенную жестокость к переселенцам проявил помощник азовского губернатора Герсеванов.

Доведенные до отчаяния, депутаты от армян 15 июля 1779 г. обратились к Потемкину с прошением, в котором объясняли, что они «просили о поселении их в форштате св. Дмитрия Ростовского, которая просьба вашей светлостью уже и опробована, но... что азовский губернатор Герсеванов всех земледельцев принуждает селиться на реке Терсе и наистрожайшим образом повелевает им скроить свои там дворы, а как юные к тому не соглашались, то из оных некоторые посажены в кандалы и употреблены были несколько дней в канальную работу. Кроме того, и все, по неимению жилых домов и от всегдашнего пребывания на степи от солнца и частых дождей претерпевают крайнейшую нужду, ибо по повелению оногo губернаторского товарища более уже трех месяцев как из квартир выведены и ныне находимся на открытом воздухе»^[6]. Армянам становилось ясно, что решение вопроса о наделении их землей и о даровании им обещанных привилегий может длиться очень долго, если им не удастся найти влиятельного покровителя и ходатая за них при дворе. По общему мнению переселенцев, таким покровителем мог быть возглавляющий астраханскую епархию молодой архиепископ князь Иосиф Аргутинский, который был близок к Потемкину, фавориту Екатерины.

⁶ Н. Дубровин. Там же, т. III

Переселенцы отправили своих депутатов в Астрахань. Выслушав депутатов, архиепископ Иосиф поспежит вместе с ними в Петербург, куда и прибыл 5 августа 1779 г. Личное ходатайство Аргутинского увенчалось успехом: дано было срочное распоряжение местным властям об улучшении условий жизни переселенцев; уважено было их ходатайство об отводе им земли для заселения близ крепости Дмитрия Ростовского, вопреки усиленным проискам губернатора! Наконец, 14 декабря 1779 года была обнародована пожалованная Екатериной армянам-переселенцам, давно ожидаемая грамота следующего содержания:

«Божею поспешествующею милостию мы, Екатерина вторая императрица и самодержица всероссийская... Рассмотрев посланное к нам от вас из Бахчисарая от 16 июля прошедшего года общее и на доброй воле основанное прошение о избавлении всех вас от угрожаемого ига и бедствия принятием в вечное подданство всероссийской империи, соизволяем мы не токмо принять вас под всемилостивейший наш покров и яко любезнейших чад успокоить под оным доставить жизнь толико благоденственную, колико желание смертных и беспрестанное наше о том попечение простираться могут; следуя сему, соизволяем пользоваться вам в государстве нашем не токмо всеми теми правами и преимуществами, каковыми все поданные наши от нас и предков наших издревле наслаждаются, но сверх того указали мы:

Первое. При настоящем переселении вашем в Азовскую губернию перевезть из Крыма на иждивении нашем все то имущество ваше, которое только

переведено быть может, что из определенной от нас суммы уже и исполнено.

Второе. Для удобнейшего поселения вашего отвести в Азовской губернии особенную от прочих селений округу крепости св. Димитрия Ростовского, как границы оной с Донским войском утверждены, оставляя из нее на крепостной выгон земли три тысячи десятин, да для рыбных ловель тамошним обитателям четвертую часть реки Дона из того сколько оной реки в даче той округи состоит вверх от устья Темерника, а в случае недостатка для селений ваших там земли — и в округе крепости Азовской, где против тех дач ваших рыбные ловли всемилостивейше жалуем вечно в пользу и выгоду всего общества, без всяких в казну нашу податей.

Третье. По разделении на классы государственных жителей всемилостивейше увольняем всех от государственных податей и служб, какого бы звания юные ни были, на десять лет».

Далее в грамоте устанавливались те подати, которые должны были платить в казну армяне-переселенцы: купцы, цеховые, мещане, а также земледельцы.

В четвертом пункте грамоты говорилось о свободе вероисповедания армян-переселенцев и о праве их иметь свое духовенство.

Далее, **в пятом** пункте, устанавливалось: «по заселении вами особого города при урочище Полуденки с названием Нахичевана и с дачею на выгон оною двенадцати тысяч десятин, повелеваем учредить магистрат и в нем производить суд и расправу по вашим

правам и обыкновениям выбираемыми из вас же по жребию начальниками».

Была подробно оговорена в грамоте и свобода армян-переселенцев заниматься торговлею.

Таким образом, правительство Екатерины лишь через год и четыре месяца после вывода армян из Крыма вспомнило о торжественном обещании царицы «снабдить их яко любезнейших чад нужными привилегиями и грамотой», и то благодаря лишь посредничеству таких высокопоставленных лиц, как Иосиф Аргутинский и др.

После продолжительного и мучительного перехода караван переселенцев достиг, наконец, берегов Дона и 9 декабря 1779 г. остановился на «обетованной земле» — на территории к востоку от крепости Дмитрия Ростовского. К тому времени сюда приехали также депутаты переселенцев из Петербурга с долгожданной грамотой Екатерины. Вся колония собралась на центральной площади будущего города (ныне площадь К. Маркса), где в торжественной обстановке грамота эта была зачитана.

*** * ***

В зимнее время нечего было и думать о строительных работах. Большая часть переселенцев вынуждена была ту зиму провести в землянках, либо в наскоро сколоченных шатрах, которые, конечно, не могли избавить их от простуды и всевозможных болезней. Зажиточные армяне и в этом случае оказались в лучших условиях, чем остальная масса переселенцев: они нашли приют в тех строениях которые находились на отводимых Нахичевану и селениям землях. Ими были

куплены: в Полуденной слободе — 26 домов, Нисветае — 40, на Мокром Чалтыре — 30, по реке Темерник — 11 домов. Более зажиточная верхушка и купцы сумели поселиться частью в Солдатской и Долмановской слободах^[7], частью же в Старочеркасске, Азове и Таганроге.

В ноябре 1780 г. к переселенцам приехал из Петербурга их духовный глава архиепископ князь Иосиф Аргутинский, который 21 апреля 1781 г. официально положил основание новому городу и пяти окружным селениям. Город был назван Нахичеван, что означает «первый привал», а селениям были присвоены названия: Чартыр, или Орталанк, Тонги, или Топлу (ныне Крым), Мец-Сала (Большие Салы), Покр-Сала (Малые Салы) и «Нисвита».

Впоследствии, в 1785 г., образовалось и шестое поселение — «Екатериновка» вблизи речки Самбек.

Вслед за основанием города и окружных сел в Нахичеване был учрежден армянский магистрат, т. е. судебно-административное учреждение, в котором было сосредоточено внутреннее управление городом и селениями. Нахичеванский магистрат распался на два отдела — армянский и общий. Армянский отдел заведовал всеми делами за исключением дел уголовных, которые передавались в общий отдел и решались согласно действовавшим общегосударственным законам.

Полицейские обязанности несли выборные от городского армянского общества два члена магистрата,

⁷ Солдатская и Долмановская слободки находились к западу и юго-западу от крепости Д. Р., основанной в 1761 г. Самого же Ростова, как города, тогда не было.

которые назывались заседателями. В армянских селениях полицейские функции выполнялись сельскими старшинами.

Судебные дела разбирались и решались на основании, с одной стороны, обычного права, а с другой — сборника писаных законов Мхитара Гоша^[8] (армянский судебник, приспособленный к законам императора Юстиниана).

Нахичеванский армянский магистрат состоял из одного председателя и четырех заседателей.

Городскими делами заведовала вначале выбиравшаяся гражданами на три года так называемая «шестигласная» дума, с участием пяти членов магистрата, под председательством городского головы. Затем число гласных было доведено до 24 и 36 человек. Первоначально на заседаниях думы принимали участие также представители армянских селений.

Городское самоуправление было построено на началах всеобщности, но фактически хозяевами города являлись зажиточная верхушка и купечество, из состава которых исключительно избирались заседатели магистрата, гласные думы и городские головы.

Делами армянских селений заведовал совет старейшин в составе выборного «одамана» и 2–4 старейшин. Распоряжения сельских советов старейшин утверждались нахичеванским магистратом.

Лето 1780 года выпало засушливое, причем появилась также и саранча, впоследствии чего весь хлеб

⁸ Мхитар Гош — ученый монах, умер в 1213 г. Судебник Гоша действовал в армянских колониях Польши. Рукопись сборника армянского судебного, действовавшего в Нахичеване, находится в Ереванском государственном музее.

и сено погибли (не только в районе новой колонии, но и повсеместно на юге России. К несчастью переселенцев, зима того же года была необыкновенно лютая, так что армяне почти полностью лишились домашнего скота. Таким образом, большинство колонистов голодало.

Ввиду такого бедствия, армянский магистрат доносил переселенческой комиссии, что среди переселенцев насчитывается до 3 тыс. слепых, калек, больных и нетрудоспособных людей, и просил отпускать провиант этой категории населения в двойном размере. Вообще, как усматривается из архивных документов, снабжение переселенцев казенным провиантом как в пути, так и на месте производилось с большими перебоями.

Нахичеванский магистрат уже в 1780 году просил Азовскую губернскую канцелярию отпустить кредит на открытие в городе школы «для обучения детей армянскому, русскому и другим языкам». Ходатайство это осталось неудовлетворенным; губернская канцелярия ответила, что магистрат может открыть школу «по примеру других городов», т. е. за счет городских средств. Такой ответ был равносителен отказу, так как городское хозяйство еще не было организовано и средств на содержание школы магистрат не мог выделить.

Ранней весной 1780 г. переселенцы приступили к постройке домов в городе и селах. Первым подрядчиком состоял «Ростовской крепости купец Михайло Наумов». В первую очередь было построено 535 домов, стоимостью по 45 руб. каждый. С 1780 по 1782 гг. в Нахичеване и селениях построено 1726 домов по цене 45–60 руб., землянки же по 16 руб. 33 коп.

В 1881 г. был утвержден герб г. Нахичевана. Герб изображал щит, разделенный на две половины наискось. В верхней половине, в серебряном поле изображены золотые пчелы, а в нижней половине, в зеленом поле, — золотой улей.

Герб г. Нахичевана

Взамен покинутых армянами недвижимых имуществ и земельных угодий в Крыму, согласно пятому пункту грамоты переселенцам отведено было 12 тыс. десятин земли на выгон. Однако, впоследствии, в 1794 г. по ходатайству армянского общества дополнительно отведено еще 8 тыс. десятин (между реками Тузловым и Самбеком). Таким образом, общее количество выгонной земли составило 20 тыс. десятин по обеим сторонам реки Дон.

Армянам-поселянам было отведено по тридцать десятин на душу. Эти земли считались общинными и, по обыкновению, через каждые 2–3 года распределялись между поселянами по числу членов каждой семьи, причем женщины получали пол надела. Кроме поземельной платы и взноса выкупных денег, установленных царским правительством в 1787 г. за предоставленные земли, армяне-поселяне в обязательном порядке несли также другие расходы, как-то: волостные, земские, сельские и страховые.

Небезынтересно отметить здесь, какими способами вели в ту пору переселенцы свое сельское хозяйство.

Нахичеванский армянский магистрат в рапорте, предоставленном в 1822 г. Таганрогскому градоначальнику, между прочим, доносил, касаясь этого вопроса: «Армяне свою землю не удобряют. Унавоживание ее в обычай и употребление не было введено. Пахотная земля делится на две части: одна засеивается, другая останавливается под пар. Пашут обыкновенно плугами. В каждый плуг впрягают для вспашки новой земли или целины по 6 пар волов, а для старой, на которой уже был посев, по 3 пары. Озимого ржаного хлеба, по неупотреблению армянами, вовсе в посевах у них не бывает, и потому осенью под зиму никогда не пашут, а пашут весной и сеют один яровой хлеб, большей частью пшеницу и ячмень, малую же часть — овес и просо. Хлеб для молотыбы не сушат, а сразу по снятии и вязке в снопах перевозят на гумне и, не высушивая, молотят лошадьми и возами, запряженными в каждый парюю голов, с накладенными на них для тяжести каменьями».

Нахичевань с окружающими селениями долгое время составлял особую административную единицу под названием «Армянский округ». Однако, права и привилегии, данные переселенцам, стали систематически и грубо нарушаться губернскими начальниками весьма скоро. На эти незаконные действия местных властей армяне неоднократно подавали жалобы в сенат, что было сопряжено с большими расходами и многолетней судебной волокитой.

Так всеармейские селения и живущих в городе поселян (которые впоследствии образовали особый поселок Екатериновска) Казенная палата отделила от городских жителей Нахичевана и, наименовав их волостными крестьянами, наравне с казенными поселянами, подчинила ростовскому Нижнему земскому суду (1788 г.) с тем, что «уже ни магистрат до них, ни они до магистрата не должны иметь никакого дела». Тогда же губернаторам было строжайше предписано, чтобы армянскими селами поставлено было «В крепость св. Дмитрия на полк камышу». Одновременно было предписано, чтобы и магистрат поставил «множество камышу». Губернским правлением предложено было взysкать «на полковые госпитали с городских жителей по 10 коп., а с сельских по 5 коп. с души», кроме этого, предписывалось «отобрать желание о построении казарм или о имени постоя в домах» и т. д.

Таким образом, не прошло и 20 лет, как царское правительство предало забвению свое обещание и отказалось обеспечить переселенцам те права и преимущества, которые дарованы были им «торжественно и потомственно на вечные времена».

Однако, армяне-переселенцы, по водворении их на новом месте, проявили кипучую деятельность.

В 1763 г. генерал-майор, инженер А. И. Ригельмян, строитель крепости Дмитрия Ростовского, в своем донесении в Петербург писал: «Купечество при крепости весьма небогатое, а притом их весьма и числом недостаточно... Для этого вдобавок к оному числу требуется к поселению при оной крепости для производства коммерции в Константинополь и в прочие тамошние места достаточных купцов до несколько сот семей». Далее тот же автор продолжает: «Съестными припасами, которые малороссияне из ближайших мест привозят, но небольшим, однако, количеством и так мало, что здешние обыватели оным единственно, без собственных посевов, а иные и без отъездов в другие места продовольствоваться не могут».

И вот здесь, спустя 18–20 лет, рядом с крепостью возник новый город Нахичеван, с пятью селениями, который стал ремесленно-промышленным и торговым центром. Появились коженные заводы, в которых выделялся красный и черный сафьян, экспортируемый за границу; возникли свечные, черепичные, кирпичные, винокурные, водочные и другие заводы. Весь берег Дона вскоре после основания города покрылся тузовыми рощами, так как армяне стали заниматься шелководством и, отчасти, садоводством.

Наряду с разнообразною ремесленно-промышленной деятельностью армяне-переселенцы начали с успехом заниматься торговлей, так как экономические условия края благоприятствовали этому. Колонисты завели тесные сношения не только с Москвой, но и с другими центральными городами России и даже с далекой

Сибирью, не довольствуясь внутренними рынками, нахичеванские купцы завязали сношения с европейскими и азиатскими торговыми центрами, куда экспортировали русские продукты.

В окружных армянских селениях и хуторах широко развивалось хлебопашество, а также скотоводство и овцеводство.

На центральной площади города, вокруг армянского собора, были воздвигнуты так называемые гостинные дворы и торговые ряды, а также корпус «пассажа». Нахичеван снабжал товарами города Южной России и Северного Кавказа. Сюда стекались со всех сторон бесконечные вереницы подвод с товарами и за товарами.

Постепенно стали возникать в новом городе и культурно-просветительные учреждения. Архиепископ Аргутинский заботился о том, чтобы найти денежные средства для этой цели. Еще в 1786 г. он командировал в далекую Индию специального посланца для сбора пожертвований среди богатых армян-купцов. В результате на собранные средства были открыты школы, богадельня (на 60 чел) и детский приют, а также дополнительно оборудована купленная в Петербурге за 12 тыс. рублей типография Гр. Халдаряна.

Французский историк К. де-Барт, посетивший Нахичеван через 5 лет после его основания, отмечает, что здесь «есть большой базар, а также фабрика турецких шелковых и шерстяных материй».

Академик П. С. Паллас, посетивший Нахичеван, в 1793 году, высоко оценил способности армян, их предприимчивость. Он указывает, что промышленность армян технически хорошо оборудована и выпускает доброкачественную продукцию. В частности, он с

большой похвалой отзывается о хлебе колонистов. Он отмечает также, что деревянные дома в Нахичеване смазаны глиной и покрыты черепицей, и потому строения эти в значительной мере предохранены от пожаров. По его словам, большая часть жителей города в 1793 году состояла из купцов и ремесленников (кожевеников, портных, кузнецов и т. д.). В окрестности Начихевана Паллас видел несколько ветряных мельниц, построенных на «азиатский манер», они могут молоть при всяком направлении ветра, силу которого изменяют поворачиванием башни. Эти мельницы — армянского изобретения.

Другой французский путешественник, побывав в Нахичеване в 1809 г., писал: «Сей город знатнее, правильнее расположен и богаче Ростова. Армяне производят торговлю на Дону: мы там видели много магазинов с различными товарами, а особливо с шелками»^[9]. В 1812 г. Нахичеван посетил И. А. Безбородко. В его путевых записях читаем: «Был в гостином дворе, город многолюдный, регулярно расположенные улицы. Строения в армянском вкусе. Дома чистые, но большей частью крыты черепицей. Есть и хорошие каменные дома. Церквей каменных несколько, довольно скромные. Положение города прекрасное, на горе, при реке Дон»^[10]. Генерал Раевский П. Н. проездом на Кавказ вместе с А. С. Пушкиным заезжал в 1820 г. в Нахичеван. Об этом своем посещении Раевский пишет: «На другой стороне крепости (св. Дмитрия) есть другой форштат или город по имени Нахичеван, населенный

⁹ Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море. Москва, 1818

¹⁰ Бумаги, относящиеся к Отечественной войне 1812 года. Сборник. Т. X.

армянами. Город этот многолюдный и в торговом отношении очень богатый. Здесь и жизнь, и строения, черты лица и одеяние населения — все своеобразно».

Не лишены исторического интереса статистические данные о состоянии города Нахичевана и армянских селений в 1822 году. Городское население распределялось так: купцов 1, 2 и 3 гильдии — 296 чел.; мещан 6861, цеховых — 2940, поселян, живущих в городе — 275, духовного звания — 154, дворян и чиновников — 188, разночинцев — 21, всего 10 735 чел. Таким образом, в тот период основную массу населения Нахичевана составляли мещане и близкие к ним цеховые; сравнительно значителен был также % купечества и лиц духовного звания.

О большом весе торговли в экономике города говорит и то обстоятельство, что всего домов тогда насчитывалось только 1845 (в том числе каменных лишь 303, тогда как имелось 33 магазина и 576 лавок. Наблюдается быстрый рост промышленности. В 1822 году в маленьком Нахичевани имелось 36 заводов, в том числе водочных — 5, свечных — 6, кирпичных — 6, черепичных — 6, рыбных — 5, шелкомотальных — 4. Рабочих на всех этих заводах было, правда, не очень много — всего 198 чел., но капитал в обращении заводов достигал значительной по тем временам цифры — более 360 тыс. руб. Следует также отметить, что в том же 1822 году в городе имелось 15 ветряных мельниц.

Грозным бедствием для тогдашнего деревянного, по преимуществу, Нахичевана были пожары. Для тушения же их при магистрате имелась команда в составе 4-х человек с 4-мя лошадьми, 6-ю бочками на дрогах и 3-мя заливными трубами.

Для «охраны порядка» имелся штат в 30 будочных сторожей. Впрочем, преступления в то время в Нахичеване были явлением крайне редким. Так, в том же статистическом отчете, представленном таганрогскому градоначальнику 23 июня 1823 г. читаем: «В течение последних 10 лет в округе Нахичевана никем из жителей ни одного убийства не учинено».

Число жителей в 5 селениях, окружающих Нахичеван, в 1822 г. составляло 3079 чел.

Анатолий Демидов в своей книге «Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию» так отзывался о Нахичевани: «...город замечательный по своей странной наружности, свидетельствующий, впрочем, о господствующей здесь торговой деятельности... Хотя Нахичеван находится не в таком счастливом географическом положении, как Ростов, зато жители его несравненно способнее к торговым делам, нежели ростовские. Из глубины этой пустыни, почти никем не посещаемой, они содержат постоянные сношения со своими соотечественниками, живущими в Астрахани, Лейпциге, Малой Азии... Они овладели почти всю торговлю Донского бассейна. По причине своих многочисленных базаров Нахичеван обратился в богатое складочное место, способное наводнить товарами все окрестные ярмарки... Многочисленные магазины этого небольшого города наполнены прекрасными шелковыми тканями и разными восточными, преимущественно персидскими товарами... Здесь нам не понравилась только чрезвычайная дикость женщин, простирающаяся даже до того, что мы едва имели случай увидеть, и то вскользь, огромные косы

здешних красавиц, расположенные на голове венцом, и их шелковые платья».

Конечно, торговой деятельностью занимались не все армяне, а лишь некоторая часть их. Значительное же большинство занималось ремеслами, которые не всегда обеспечивали безбедное существование. Сравнительно лучшим было положение ремесленников в течение первого полувека существования Нахичевана, когда они были объединены в цехи. Однако впоследствии быстрый рост промышленного капитала нанес цеховым организациям смертельный удар: под гнетом все ухудшавшихся условий работы, будучи не в силах выдержать конкуренцию с промышленными предприятиями, цеховые организации армян быстро пришли в упадок и большинство их было вынуждено прекратить свою деятельность.

То же господство капитала давало себя чувствовать и в отношении роли поселян в городском самоуправлении Нахичевана. В первые десятилетия после переселения армян из Крыма в общественных собраниях Нахичевана вместе с городским населением участвовали также поселяне в лице своих выборных «одаманов». Но с течением времени взаимоотношения горожан и поселян постепенно изменяются: зажиточная часть городского населения присваивает себе право решать все вопросы, касающиеся как самого города, так и окружающих селений. Таким образом, вся административная власть переходит в руки купцов и торговцев. Армян-поселян теперь уже эксплуатируют не только сельские кулаки, но и городские заправилы; дело доходит даже до «телесных кар» обездоленных поселян.

Зажиточные горожане относились к поселянам с нескрываемой неприязнью. В свою очередь, поселяне тоже стали все более и более недоверчиво относиться к мероприятиям и распоряжениям магистрата, старались не выполнять их. В подобных случаях магистрату приходилось командовать одного из заседателей, который силою приводил в исполнение приказы и распоряжения магистрата. Помимо всего этого, голод и нищета бросали массы поселян в кабалу к крупным землевладельцам и кулакам.

В первые годы основания Нахичевана и окружающих сел магистрат очень зорко следил за нравственностью населения и подвергал за прелюбодеяние тяжелым телесным наказаниям как мужчин, так и женщин. Эта позорная кара приводилась в исполнение либо перед зданием магистрата, либо на площади базара. Однако уже приблизительно с 1800 г. подобные истязания в протоколах магистрата не упоминаются.

Характерно журнальное постановление магистрата за 1805 г. на имя исполняющего обязанности полицмейстера:

«В твою обязанность входит тушить повсеместно всевозможные пожары; говорим: «всевозможные» пожары, ибо не только от огня происходит пожар... бывает, что на базаре двое поругаются, начинают перебранку, сквернословят, затем ссора переходит в драку, разбивают друг другу голову; все это называется огнем, пожаром, который ты обязан тушить; ты должен заботиться о благочинии в нашем городе, дабы добронравием своим мы бы могли сиять в русской земле, как зеркало; старики пусть служат примером для наших детей, чтобы они росли также в добронравии. Магистрату

известно, что молодежь наша становится беспутной; они посещают кабаки, водятся с женщинами, устраивают попойки, — конечно, с целью прелюбодеяния; что другого может быть?.. Ежели ты не преминешь усмирять таких бесстыдных, наглых молодых людей тюремным заключением или поркою, дабы не повадно было впредь заниматься таким озорством, то это будет твоим благодеянием нашему обществу».

Далее в постановлении говорится об уличении в прелюбодеянии пономаря Акопа, в отношении которого магистрат постановил: «бороду его на правой стороне сбрить и в таком дозорном виде водить его по базару, чтобы все знали, что всякому прелюбодею предстоит такая участь». Заканчивается постановление в довольно пессимистическом тоне: «Но общество наше непослушное, законопреступное и не боится бога, не внемлет назиданиям; магистрат наш отечески предписывает и наставляет: «не делайте, соблюдайте законы», но не слушаются».

Конечно, приостановить упадок нравственности полицейскими мерами было невозможно. Большое значение в этом могло бы иметь развитие культурно-просветительной работы, однако, рост ее был крайне замедленным, отнюдь не соответствовавшим экономическому преуспеянию города и благосостояния отдельных горожан.

Архиепископ Аргутинский открыл в городе небольшое училище для обучения армянскому и русскому языкам, а также основным правилам арифметики, а в монастыре, рядом с типографией, — школу для подготовки церковнослужителей.

В 1795 году магистрат открыл школу имени Саака, которая содержалась на общественные средства. Почти одновременно была открыта и другая школа имени Меспрома — на средства, пожертвованные проживавшим в Индии армянином Огажданом Геракян; обе эти школы впоследствии слились в одну переименованную в уездное училище.

В 1868 г. впервые открываются в городе и в соседних армянских селах церковно-приходские школы для мальчиков и девочек.

В 1881 г., в память столетия основания города, по инициативе известного поэта Рафаэла Патканяна, было открыто ремесленное училище и в том же году — Гогоевское училище, (преобразованное затем в женскую гимназию имени Н. Гогоева), женское 5-классное училище имени Римсима и др.

Царское правительство препятствовало созданию армянских светских школ, что усиливало влияние армянского духовенства, сохранявшего как бы монополию на народное «просвещение».

*** * ***

В 60-х гг. прошлого столетия полицейская власть отошла от магистрата. Приблизительно в то же время было введено хозяйственное управление городом, вследствие чего и эта функция отошла от армянского магистрата. С введением судебных уставов магистрат был лишен и судебных функций. Затем Городовое положение 1870 г., введенное в Нахичеване в 1871 г., придало городу общий муниципальный тип российских городов и армянский магистрат прекратил свое

существование. В дальнейшем ряд «реформ», последовавших в царствование Александра II, коснулся и Нахичевана: армянское население города и селений в 1874 г. на общем основании было призвано к отбыванию воинской повинности.

Таким образом, все предоставленные когда-то армянам — выходцам из Крыма привилегии отошли в область истории.

Примечания

1

П. Никольский — «Крым от ханства до наших дней».

2

Дубровин Н. — «Присоединение Крыма к России». Т. II.

3

Дубровин Н. Там же, Т. II.

4

Н. Дубровин. Там же, т. II

5

Н. Дубровин. — Там же, т. II

6

Н. Дубровин. Там же, т. III

7

Солдатская и Долмановская слободки находились к западу и юго-западу от крепости Д. Р., основанной в 1761 г. Самого же Ростова, как города, тогда не было.

8

Мхитар Гош — ученый монах, умер в 1213 г. Судебник Гоша действовал в армянских колониях Польши. Рукопись сборника армянского судебного,

действовавшего в Нахичеване, находится в Ереванском государственном музее.

9

Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море.
Москва, 1818

10

Бумаги, относящиеся к Отечественной войне 1812 года. Сборник. Т. X.